

Н.А. Ионина

А.М. Горький в Петропавловской крепости

Вечером 8 января 1905 года настроение большинства жителей Петербурга было тревожно выжидающим: в город прибывали войска. Горькому стало известно, что правительство намерено применить силу против готовящегося назавтра мирного шествия рабочих к Зимнему дворцу. Выйдя на улицу, он увидел, что город напоминает военный лагерь: то здесь, то там можно было заметить группы солдат, гревшихся у костров, и усиленные наряды жандармов и полиции. Крайне обеспокоенный, Горький зашел в редакцию газеты «Наши дни», где в то время происходило собрание интеллигенции. Речь шла о предстоящей манифестации мирно настроенных рабочих и об опасности их столкновения с войсками. И тогда писатель предложил избрать депутацию, которая отправится к министру внутренних дел П.Д. Святополку-Мирскому и постарается убедить его в мирных настроениях рабочих, а также попросить принять меры для избежания кровопролития. Предложение Горького было принято, тут же избрали депутацию, в которую вошел и писатель.

Но министр внутренних дел отказался слушать их заявление, и тогда члены депутации направились к председателю Комитета министров С.Ю. Витте. Тот выслушал их, но заявил, что сделать ничего не может, так как министры имеют более точные, чем члены депутации, сведения о положении дел, и уже приняты меры, одобренные императором.

В редакцию газеты члены депутации вернувшись уже в три часа утра — ни с чем. Горький предложил написать отчет для газет об их «путешествии по министрам». Все согласились и стали расходиться по домам, а писатель засел над отчетом. 9 января, когда кровь уже была пролита, Горький обратился с воззванием «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств»:

«Мы обвиняем министра внутренних дел Святополка-Мирского в предумышленном, не вызванном положением дела, в бессмысленном убийстве многих русских граждан. А так как Николай II был осведомлен о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиение их, — мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них».

По личным впечатлениям и со слов очевидцев Горький описал несколько отдельных эпизодов Кровавого воскресенья. Воззвание было написано лиловыми чернилами на двух листках бумаги, но полиция перехватила его, и оно не получило распространения, зато стало основанием для привлечения Горького к ответственности. К тому же в рапорте полиции наскоро собранная депутация интеллигентов превратилась в грозный «комитет, составленный из представителей всех действующих в империи противоправительственных фракций». Всем членам делегации было предъявлено обвинение в намерении ниспровергнуть самодержавную власть. Уже через день сотрудники департамента полиции имели приказ арестовать всех членов депутации, независимо от результатов обыска, который у них будет произведен.

В ночь с 10 на 11 января жандармы с успехом выполнили задание, только вот Горького они дома не застали — он уже был на пути в Ригу. Вслед за ушедшим с Балтийского вокзала поездом в Ригу полетела телеграмма с предписанием «безотлагательно обыскать писателя Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним — Максим Горький), арестовать и препроводить в охранное отделение Петербурга».

12 января Горький оказался в одиночной камере Трубецкого бастиона Петропавловской крепости — месте предварительного заключения. Всех арестованных уже здесь заставляли надевать тюремную одежду. Собственное их платье уносили на хранение в цейхгауз и выдавали только на время прогулок по тюремному двору, при свидании

с родными и при отъездах на допросы вне крепости. Писатель облачился в тюремное грубое белье, спадающие с ног чулки, тонкий халат и кожаные шлепанцы. С тяжелым погребальным звоном захлопнулась массивная дверь, окованная железом, и он остался один в своем новом обиталище — мрачном помещении с низким сводчатым потолком. Наверху — забранное решеткой оконце, в которое видна лишь серая стена бастиона. Асфальтированный пол выкрашен желтой краской: в него наглухо вделана железная койка, к стене прикреплен железный столик. Над ним — электрическая лампочка, втиснутая глубоко в стену и прикрытая сверху толстым стеклом, огражденным решеткой.

Окинув все внимательным взглядом, Горький невесело усмехнулся, поплотнее запахнул ветхий халат и, присев к железному столику, погрузился в размышления. А потом потянулись томительные дни заключения. Нелегко было Горькому с его ревматизмом и больными легкими переносить тюремный режим, правда, вскоре его перевели в камеру № 39, находившуюся на втором этаже, но и здесь было не лучше. Сырость и холод каземата губительно сказались на здоровье писателя: его стали мучить головные боли, усилился кашель, то и дело поднималась температура. Но он не позволял себе падать духом, и уже в первых письмах на волю просит прислать ему книги, причем список их довольно обширен. Здесь и «Общая физиология» М. Ферварна, и «Общая геология» А. Иностранцева, и «Происхождение животного мира» В. Гааке и другие. В письме к М.Ф. Андреевой он писал:

«Существую недурно, читаю много... Даю тебе честное слово — я чувствую себя довольно сносно, и нет причин, чтобы самочувствие изменилось к худшему».

В действительности дело обстояло не так уж «сносно», о чем, конечно же, знали друзья и родные писателя. Они начали усиленно хлопотать о смягчении тюремного режима, но только к концу января им удалось добиться разрешения на свидание Горького с женой и К. Пятницким — директором-распорядителем издательства «Знание». А вот добиться того, чтобы Горькому разрешили носить свое белье и верхнее платье вместо тюремной одежды, не удалось. Да и свидания эти обставлялись «по всей форме»: узника и посетителей отделяли друг от друга две решетки, между которыми сидел жандарм.

Немало трудов и стараний пришлось приложить близким, чтобы писателю разрешили заниматься в крепости литературным трудом. Согласно инструкции, бумага и чернила выдавались заключенным только для написания заявлений по их делу и писем к родным. Поэтому комендант крепости первое время был строг и неумолим, однако и он, и смотритель Трубецкого бастиона понимали, что обитатель камеры № 39 не совсем обычный узник. Да и в заграничной печати уже стали появляться сообщения о тяжелых условиях, в которых находится в тюрьме писатель Горький.

Общественное мнение России тоже было взбудоражено арестом и заключением в крепость писателя, поэтому власти вынуждены были все это учитывать. Однако комендант крепости поставил условие: бумага, чернила и письменные принадлежности будут выданы Горькому только в том случае, если в прошении он укажет, что заниматься писательством должен для содержания семьи. Писателю пришлось подписать такое прошение, и 25 января он получил стопку бумаги, чернила и ручку с пером.

Узник сразу же принялся за работу. Страницу за страницей исписывал он своим мелким, убористым почерком, забывая в эти часы и мрачную тюремную камеру, и арестантский халат, и томительную неизвестность о своей дальнейшей судьбе. Перед глазами вставали герои задуманной им пьесы, иногда он прерывал работу, вскакивал с места и начинал расхаживать из угла в угол, склонив в задумчивости голову и что-то бормоча под нос...

В тюрьме Горький написал пьесу «Дети солнца», работа над которой несколько скрашивала его суровые арестантские будни. Но здоровье писателя с каждым днем ухудшалось, ему все тяжелее становилось переносить тюремный режим. Его раздражали бесконечные вызовы на допрос в жандармское управление, надоело всякий раз повторять,

что он не признает себя виновным в принадлежности к сообществу, которое хотело ниспровергнуть существующий в России государственный порядок...

А на воле нарастал шквал всеобщего негодования: потоки гневных и протестующих писем и телеграмм, тревожные агентурные донесения обрушивались на все правительственные учреждения. По всей стране гремели слова «Свободу Горькому!», из русских посольств в Риге, Брюсселе, Лиссабоне, Берлине в министерство иностранных дел России сообщали о расширяющемся в этих странах движении в защиту писателя. Многочисленные собрания в защиту Горького состоялись в США, во Франции под протестом против ареста писателя поставили свои подписи представители науки, литературы и искусства (А. Франс, О. Роден и др.).

Царское правительство видело, что движение в защиту Горького принимает такой размах, с которым уже нельзя не считаться. Тем более что состряпанное дело по обвинению писателя «в государственном преступлении» давно уже трещало по швам. Но не могло же оно прямо признать свое поражение! И когда Е.П. Пешкова стала ходатайствовать об освобождении мужа в связи с его болезнью, директор Департамента полиции поспешил дать указание о проведении медицинского освидетельствования заключенного. Врач установил у Горького «катар верхней доли левого легкого», и на основании этого 12 февраля 1905 года писателя перевели из Петропавловской крепости в Дом предварительного заключения. Через два дня, после внесения залога в 10 000 рублей, писателя освободили из-под ареста и отпустили домой. Однако это вовсе не означало, что царское правительство решило оставить писателя в покое. Не успел Горький провести в своей квартире и нескольких часов, как его пригласили в жандармское управление «для выполнения кое-каких формальностей». Писатель явился, тут же был взят под стражу и отправлен в охранное отделение. Здесь ему объявили, что он немедленно высылается из столицы, предложив на выбор несколько городов. Горький выбрал Ригу...